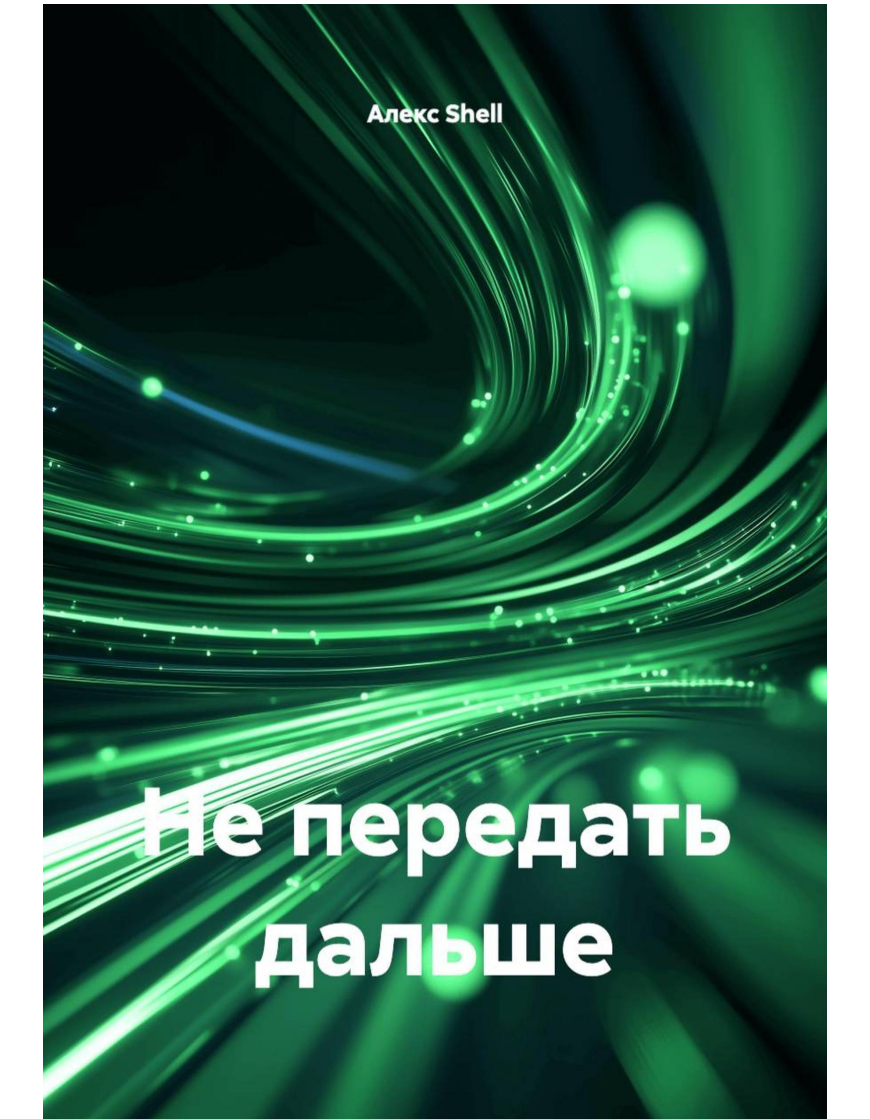

The background of the entire image is an abstract composition of vibrant green light trails. These trails are curved and flow from the top left towards the bottom right, creating a sense of dynamic movement. Interspersed among the trails are numerous small, bright green dots and larger, soft-focus circular bokeh lights, enhancing the ethereal and technological feel of the design.

Алекс Shell

**Не передать
дальше**

Алекс Shell

Не передать дальше

<https://litres.ru/74358779>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сергей приходит домой после спокойного разговора с начальником и приносит с собой чужое давление. Елена заботится о семье так, что забота постепенно становится контролем. Алина пытается построить систему, которая не превратит людей в функции. «Не передать дальше» — социально-психологический роман о том, как страх, власть, стыд и привычка подчиняться переходят от одного человека к другому. И о маленьких решениях, которыми человек иногда останавливает цепь.

Содержание

НЕ ПЕРЕДАТЬ ДАЛЬШЕ	4
Часть I. Дом	6
Глава 1. Тарелка	6
Глава 2. Хорошая мать	15
Глава 3. Человек, который знает	24
Глава 4. Хороший начальник	30
Глава 5. Фрида Абрамовна	34
Глава 6. Нет хороших	39
Часть II. Метрики	44
Глава 7. Лента	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

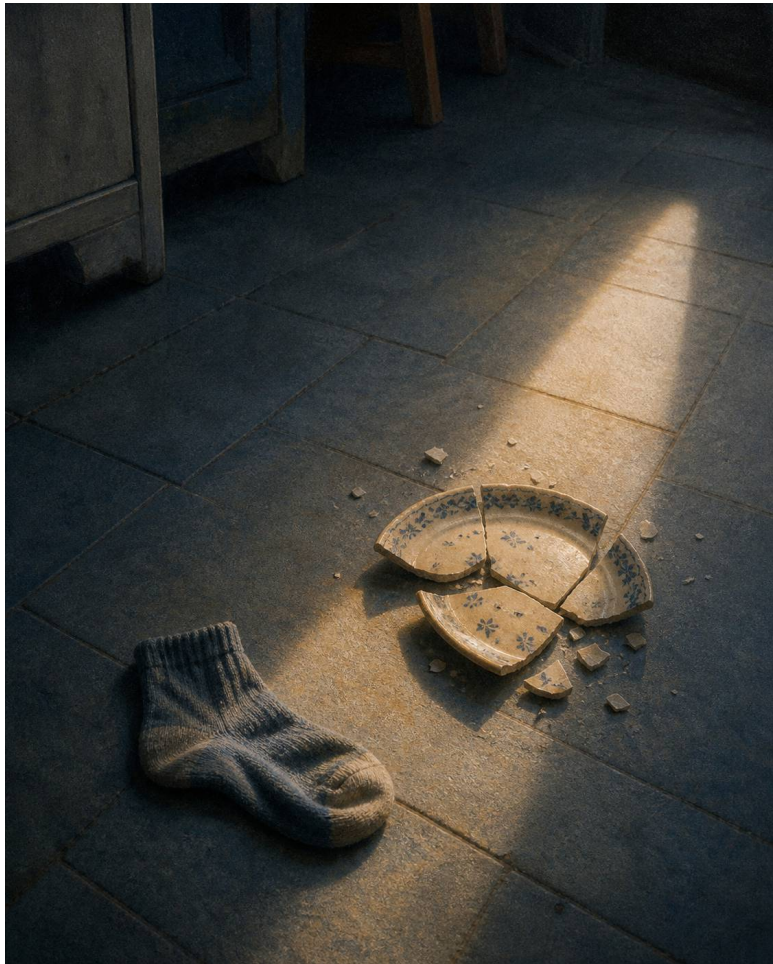
Алекс Shell

Не передать дальше

НЕ ПЕРЕДАТЬ ДАЛЬШЕ

Роман

Роман

Часть I. Дом

Глава 1. Тарелка

Начальник никогда не кричал.

Сергей иногда думал, что лучше бы кричал.

С криком всё понятно. Человек сорвался, ты сжался, потом вышел из кабинета и хотя бы можешь назвать вещи своими именами.

Виктор Петрович говорил негромко, немного устало и почти всегда разумно.

— Ты понимаешь, что сейчас подставляешь весь отдел?

Сергей смотрел на папку между ними.

Папка была синяя. В ней лежала таблица, которую он закончил вчера в дванадцать ночи. Он помнил время, потому что, закрывая ноутбук, зачем-то посмотрел на часы и подумал: «Кирилл через пять часов встанет в школу».

— Я предупреждал ещё в пятницу, что этот объём не пройдёт.

Виктор Петрович вздохнул.

Не раздражённо. С сожалением.

Будто Сергей опять не понял чего-то простого.

— Серёж. Я сейчас не спрашиваю, кто предупреждал.

— Я понимаю.

— Мне нужно решение.

Сергей почувствовал, как сжалась челюсть.

Он действительно понимал.

Подписали без него.

Не послушали его.

Теперь ему нужно было придумать, как сделать невозможное возможным, причём желательно так, чтобы никто не вспоминал, кто это невозможное согласовал.

— Решение было не брать этот объём.

— Мы уже взяли.

— Поэтому теперь хорошего решения нет.

Виктор Петрович откинулся на спинку кресла.

Несколько секунд смотрел на него.

— Ты всё время возвращаешься назад.

Сергей молчал.

— Сейчас не время доказывать, что ты был прав.

Вот.

Эта фраза всегда работала.

После неё любое возражение становилось почти неприличным. Не работаешь, а доказываешь. Не предупреждал, а защищаешь самолюбие. Не называешь проблему, а ищешь виноватого.

— Понял, — сказал Сергей.

— Вот и хорошо.

Виктор Петрович закрыл папку.

Разговор закончился.

Не потому, что появился выход.

Потому что Сергей снова сказал «понял».

Лифт был пустой.

Сергей смотрел на своё отражение в металлической двери.

Нормальное лицо.

Если сейчас зайдёт кто-нибудь из бухгалтерии, можно поговорить о погоде.

Телефон завибрировал.

Елена.

«Ты во сколько?»

Следом:

«Кирилл опять тянет с математикой».

И ещё:

«Хлеб купи».

Он прочитал.

Убрал телефон в карман.

На парковке сел в машину и не завёл.

Руки лежали на руле.

Когда-то отец говорил, что у мужчины руки должны быть спокойные.

Сергей не помнил, в каком разговоре.

Вообще от отца осталось много фраз без обстоятельств.

«Думать надо было».

«Сказано — сделано».

«Мужик отвечает».

«Нечего из себя строить».

Как гвозди в банке.

Неважно, от какой стены.

Просто лежат.

Телефон снова завибрировал.

«Хлеб не забудь».

Сергей завёл машину.

На кухне пахло луком.

Телевизор говорил из комнаты про ремонт дороги.

— Пап!

Кирилл появился в коридоре в одном носке.

— Не сейчас.

Сергей сказал это раньше, чем посмотрел на него.

Кирилл остановился.

— Я просто хотел показать...

— Потом.

Елена выглянула с кухни.

— Ты чего?

— Ничего.

Вот ещё одно полезное слово.

«Ничего».

Им можно было закрыть почти всё.

Усталость.

Злость.

Стыд.

Страх.

Желание, чтобы все на пять минут исчезли.

— Руки помой, — сказала Елена.

— Угу.

В ванной Сергей пустил холодную воду.

Поднял лицо.

В зеркале всё было на месте.

Седина у виска.

Полоса от воротника.

Усталые глаза.

Ничего такого, из-за чего семье следовало бы вести себя тише.

Он постоял ещё немного и вышел.

Кирилл сидел за столом.

Перед ним лежала тетрадь по математике, но в последнем ряду клеток он рисовал робота.

У робота было шесть рук.

— Уроки сделал?

Кирилл накрыл рисунок ладонью.

— Почти.

— Что значит «почти»?

— Там одно осталось.

— Значит, не сделал.

— Я дорисую и...

— Сначала уроки.

— Пап.

— Что «пап»?

Елена поставила тарелки.

— Серёж, дай ему пять минут.

Вот тут внутри что-то нашло выход.

Не начало.

Выход.

— А ты не вмешивайся.

Елена замерла.

— Чего?

— Я сказал: не вмешивайся.

— Я слышала.

— Потом удивляемся, почему он вообще никого не слушает.

Кирилл смотрел в тетрадь.

Сергей видел его макушку.

И почему-то именно это раздражало ещё сильнее.

— Я тебе сколько раз говорил? Сначала сделал дело — потом занимайся чем хочешь.

— Я сделал почти всё.

— Опять «почти».

— Серёжа.

— Что?

— Хватит.

Теперь уже жена была против него.

За секунду комната стала очень понятной.

Он один пытается держать порядок.

Они оба делают из него идиота.

— Конечно. Хватит. Потом я же и виноват, что он...

Кирилл дёрнул локтем.

Тарелка стояла у края.

Упала.

Ударилась о плитку.

Один кусок покатился под батарею.

Небольшой осколок остановился возле Сергеевой ноги.

Тишина.

Сергей смотрел вниз.

И вдруг услышал отца.

Не воспоминание.

Фразу.

Она уже была готова.

«Ну ты совсем debil?»

Можно было открыть рот — и ничего даже не придумать.

Кирилл отступил.

На один шаг.

Сергей поднял глаза.

Сын отступил не от стекла.

От него.

Что-то в этом было настолько знакомое, что злость на секунду потеряла форму.

Не исчезла.

Просто перестала знать, куда идти.

— Не двигайся, — сказал Сергей.

Голос всё ещё был злым.

Кирилл застыл.

— Там осколки.

Сергей присел.

Начал собирать крупные куски.

Пальцы дрожали.

Елена принесла веник.

Не смотрела на него.

Он хотел сказать ей что-нибудь.

Не придумал.

Когда пол стал чистым, Кирилл всё ещё стоял возле стены.

— Я сейчас злой, — сказал Сергей.

Фраза прозвучала глупо.

Как из какой-то книжки.

— Я вижу, — ответил Кирилл.

— Но не из-за тарелки.

Кирилл пожал плечами.

— Уроки всё равно доделай.

— Я знаю.

Сергей почувствовал, что сейчас надо остановиться.

Но внутри мгновенно поднялось другое:

«Но ты тоже должен понимать...»

Вернуть себе хоть немного правоты.

Чтобы не остаться просто взрослым мужиком, который пришёл домой и накричал на десятилетнего сына.

Он закрыл рот.

— Я на тебя зря наорал.

Кирилл молчал.

— Извини.

— Ладно.

И ушёл.

Не обнял.

Не сказал:

«Всё хорошо, пап».

Просто ушёл.

Сергей неожиданно был ему за это благодарен.

Чай остыл.

Елена укладывала Машу.

Кирилл сидел в комнате.

Телефон лежал перед Сергеем.

Сообщение от Виктора Петровича:

«Завтра к 9 нужен новый расчёт. Очень рассчитываю на тебя».

Сергей прочитал.

Написал:

«Хорошо».

Большой палец завис над отправкой.

Он посмотрел на слово.

Стер.

Написал:

«К 9 не успею сделать нормально. Реально к 11».

Посидел.

Две минуты.

Три.

Нажал.

Стало страшно.

По-настоящему смешно страшно.

Будто за одной фразой стояло увольнение, ипотека, детский сад Маши, лицо Елены и отец, который говорил:

«С начальством умнее надо быть».

Через минуту пришло:

«Ок. В 11».

Сергей перечитал.

Потом ещё раз.

Вот и всё.

Никто не умер.

Из комнаты донёсся смех Кирилла.

Сергей сидел на кухне.

Он не чувствовал себя другим человеком.

Не чувствовал победы.

Не понимал никакого большого смысла.

Просто один раз сказал наверх немного больше правды.

И дома стало чуть меньше того, что нужно было сбрасывать вниз.

Глава 2. Хорошая мать

Елена знала, где всё лежит.

Это было не качество характера.

Это была работа.

Носки Маши — второй ящик.

Запасные батарейки — верхняя полка в кладовой, в коробке из-под утюга.

Сертификат на стиральную машину — синяя папка.

Кириллова медицинская карта — нижняя полка шкафа.

Сергеев полис — почему-то в кухонном ящике вместе с инструкциями.

Кто должен позвонить стоматологу.

Когда заканчивается страховка.

Какой хлеб Сергей любит, хотя всегда говорит:

«Мне любой».

Дом держался на огромном количестве вещей, которых никто не замечал, пока они не переставали происходить.

Елена тоже перестала замечать.

— Да мне не трудно, — говорила она.

Иногда даже когда никто не спрашивал.

— Шапку.

— Мам.

— На улице минус три.

— Мне жарко.

— На улице тебе не жарко.

— Мне десять.

— Тем более.

— Какая связь?

— Кирилл.

Это слово означало конец дискуссии.

Он натянул шапку.

Елена почувствовала облегчение.

Совсем маленькое.

Опасность устранена.

Мир снова на месте.

После школы он не ответил.

Один звонок.

Второй.

Третий.

Сообщение:

«Ты где?»

Через две минуты:

«Ответь».

Потом:

«Кирилл, я волнуюсь».

На четвёртый звонок ответил.

— Мам.

На фоне кто-то смеялся.

— Ты где?

— Иду.

— Где?

— С Даней.

— Я тебе четыре раза звонила.

— Я не слышал.

— Телефон зачем?

Пауза.

— Мам, ну мы шли.

— А я должна сидеть и думать что?

— Ничего.

— Очень хорошо.

— Я сейчас домой приду.

— Мне не надо, чтобы ты домой пришёл. Мне надо, чтобы

ты отвечал.

Кирилл молчал.

— Ты понимаешь?

— Да.

— Что «да»?

Связь оборвалась.

Елена посмотрела на телефон.

Неблагодарный.

Мысль возникла мгновенно.

Не как слово даже.

Как вкус.

Она всё делает.

А он не способен взять трубку.

Потом пришла другая мысль:

«Подростковый возраст».

Это немного помогло.

Когда проблема называется возрастом, она меньше похожа на личное отвержение.

Вечером Кирилл спросил:

— Можно в субботу к Дане с ночёвкой?

— Нет.

— Почему?

— Я не знаю его родителей.

— Ты его маму знаешь.

— Я видела её два раза.

— Ну позвони.

— А отец?

— Что отец?

— Кто там будет?

— Я откуда знаю?

— Вот именно.

Кирилл закатил глаза.

— Мам.

— Что?

— Весь класс ходит друг к другу.

— Меня весь класс не интересуется.

Он постоял.

— Ты вообще ничего не разрешаешь.

Елена положила нож.

Вот эта фраза была несправедливой.

Она сразу это знала.

— Ничего?

— Ну не буквально.

— Нет, давай буквально.

Кирилл вздохнул.

— Не надо.

— Телефон у тебя есть?

— Мам.

— Компьютер?

— Я не это имел в виду.

— На футбол ходишь?

— Господи.

— С друзьями гуляешь?

— Я про то, что ты всё контролируешь.

Елена замерла.

— Что я контролирую?

— Всё.

— Например?

— Где я. С кем я. Когда я. Что я надел. Поел ли я. Сделал ли я. Зарядил ли я телефон.

— Потому что если я не спрошу, ты забудешь половину.

— Может, мне надо забыть.

— Очень умно.

Кирилл посмотрел на неё.

— Ты понимаешь, что даже если мне холодно будет — это я замёрзну?

— И заболеешь тоже ты?

— Да.

— А лечить кто будет?

Он молчал.

Елена почувствовала победу.

И сразу после неё — что-то неприятное.

— Короче, — сказал Кирилл, — ты не даёшь жить.

Фраза была подростковая.

Громкая.

Почти смешная.

Но она почему-то не рассмеялась.

— Что значит «жить»?

— Ничего.

— Нет. Сказал — объясни.

— Вот опять.

— Что опять?

— Ты всё превращаешь в допрос.

Он ушёл.

Елена осталась у раковины.

Её мать говорила:

«Я же беспокоюсь».

«Вот будут свои дети — поймёшь».

«Я тебе добра хочу».

«Ты мне потом спасибо скажешь».

Елена всегда была уверена, что совсем на неё не похожа.

Она не кричала.

Не лазила по сумкам.

Не читала переписки.

Разговаривала.

Объясняла.

Уважала личность ребёнка.

И вдруг оказалось, что контроль не обязан кричать.

Он умеет говорить очень воспитанно.

Ночью она зашла к Кириллу.

Он сидел в наушниках.

Снял один.

— Что?

— Я не обещаю перестать волноваться.

— Я знаю.

— Подожди.

Он вздохнул.

— Про субботу. Дай номер Даниных родителей.

Кирилл поднял глаза.

— И?

— Я поговорю. Если всё нормально — останешься.

— Реально?

— Реально.

Он сразу взял телефон.

Елена посмотрела на него.

— И ещё.

— Что?

— Когда ты не отвечаешь, я правда пугаюсь.

— Я понимаю.

— Но, наверное, не всё, что я чувствую, ты должен исправлять.

Кирилл несколько секунд молчал.

— Чего?

Она сама не очень знала, как сказать.

— Ничего. Дай номер.

Он улыбнулся.

— Мам.

— Что?

— Ты странная сегодня.

— Иди ты.

У двери Кирилл сказал:

— Я не хотел сказать, что ты плохая мать.

Она почувствовала, как мгновенно хочется ответить:

«Я знаю».

Мудро.

Спокойно.

Взросло.

Но правда была другой.

— А мне показалось именно так.

Кирилл пожал плечами.

— Я злился.

— Я тоже.

— Всё?

— Всё.

Она закрыла дверь.

На кухне Сергей спросил:

— Что там?

— Разрешила ночёвку.

Он поднял голову.

— Ты?

— Да.

— Ты кто и что сделала с моей женой?

Она показала ему средний палец.

Сергей улыбнулся.

— Вот. Теперь узнаю.

Елена села.

Некоторое время они молчали.

Потом она сказала:

— Знаешь, что самое неприятное?

— Что?

— Если нормально растить детей, они должны всё меньше нуждаться в тебе.

— Ну да.

— Я раньше как-то не думала, что это буквально.

Сергей посмотрел на неё.

— Мы ещё Машу лет пятнадцать можем контролировать.

— Спасибо. Полегчало.

Они засмеялись.

Глава 3. Человек, который знает

Андрей говорил тихо.

Люди поэтому слушали.

Он не давил.

Не спорил ради победы.

Не перебивал.

Просто после нескольких минут разговора у человека возникало ощущение, что Андрей уже понял про него что-то, до чего сам человек пока не дошёл.

Иногда он действительно понимал.

Это и было проблемой.

С Сергеем они дружили со школы.

Когда Сергей рассказал про кабинет, тарелку и сообщение начальнику, Андрей выслушал до конца.

— Ну понятно, — сказал он.

Сергей сразу поморщился.

— Что тебе понятно?

— Тебя прижали там, где ты не мог нормально ответить. Домой пришёл с этим напряжением. Кирилл оказался безопаснее начальника.

— Возможно.

— Не «возможно». Ты буквально это описал.

Сергей вздохнул.

— Вот поэтому я тебе последнее время ничего не рассказываю.

— Почему?

— Потому что ты всё уже знаешь.

Андрей улыбнулся.

— Я не всё знаю.

— Конечно.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Андрей наклонился.

— Ты сейчас защищаешься от того, что тебя увидели.

Сергей несколько секунд смотрел на него.

Потом сказал:

— Или ты просто заебал меня объяснять.

Андрей улыбнулся ещё мягче.

— Вот. Агрессия.

Сергей рассмеялся.

— Блядь, с тобой теперь вообще невозможно разговаривать.

— Почему?

— Потому что если я согласен — ты прав. Если не согласен — это моя защита.

Улыбка Андрея немного исчезла.

Сергей встал.

— Пошли кофе возьмём.

— Серый.

— Что?

— Я не хотел...

— Всё нормально.

— Ты обиделся?

Сергей посмотрел.

— Андрей.

— Всё, молчу.

Фраза осталась.

Вечером жена сказала:

— Ты опять не купил молоко.

— Забыл.

— Я утром написала.

— Видел.

— И?

— Забыл.

Она открыла холодильник, будто вдруг надеялась, что молоко там всё-таки появилось.

— Ты последнее время вообще ничего не слышишь.

Андрей почувствовал привычное движение.

Не злость.

Интерес.

Что стоит за этой фразой?

Наверное, не молоко.

Вероятно, чувство, что её не замечают.

Возможно...

— Ты чего молчишь? — спросила жена.

— Думаю.

— Не надо.

— Что не надо?

— Меня сейчас анализировать.

Андрей удивился.

— Я ничего не сказал.

— У тебя лицо.

— Какое?

— Как будто ты уже понял, почему я злюсь.

Он засмеялся.

— Сергей сегодня сказал почти то же самое.

— Значит, вас уже двое.

Она закрыла холодильник.

— Молока нет.

— Я вижу.

— Вот и вся глубина.

Он надел куртку.

— Схожу.

— Магазин скоро закрывается.

— Успею.

У двери всё-таки спросил:

— Ты только из-за молока?

Она посмотрела.

— Нет.

Что-то внутри мгновенно ожило.

Вот.

Он знал.

— Но если сейчас скажешь «я так и думал», я тебя выго-
ню.

Андрей рассмеялся.

— Хорошо.

— Я устала повторять одно и то же. И иногда мне кажется,
что чужих людей ты слышишь лучше меня.

Этого он не ожидал.

— Почему?

— Потому что со мной ты сразу начинаешь понимать.

— А что мне делать?

Она пожала плечами.

— Иногда просто быть мужем, который забыл молоко.

Андрей стоял у двери.

— Хорошо.

— Что хорошо?

Он подумал.

— Я забыл молоко.

— Да.

— Это было невнимательно.

— Да.

— Ты злишься.

— Да.

— И я схожу.

— Всё.

— Всё?

— Всё.

В магазине он взял две бутылки.

Потом одну поставил обратно.

Не потому что понял себя.

Просто столько им было не нужно.

По дороге домой Андрей вдруг подумал:

может быть, умение видеть глубже тоже однажды стано-

вится способом не видеть то, что лежит прямо перед носом.
Иногда молоко заканчивается.
И всё.

Глава 4. Хороший начальник

Виктор Петрович искренне считал себя нормальным руководителем.

И, вероятно, был им.

Никогда не бросал папки.

Не называл сотрудников идиотами.

Не заставлял стоять у стола.

Когда у бухгалтера умер отец, помог деньгами.

Когда у Сергея родилась Маша, отпустил домой посреди совещания.

На Новый год покупал детям сотрудников подарки за свои.

Он знал, что бывает гораздо хуже.

Поэтому иногда не понимал, почему люди всё равно заходят в его кабинет напряжёнными.

Сергей принёс расчёт в одиннадцать.

Не в девять.

Мир действительно не рухнул.

— Почему так дорого?

— Вторая смена.

— А без неё?

— Не закроем объём.

— Совсем?

— Если не нарушать технологию — нет.

— А субботы?

— Можно предложить людям.

— Ну вот.

— Этого всё равно мало.

Виктор Петрович положил ручку.

— Серёж, ты всегда сначала объясняешь, почему нельзя.

— Потому что иногда нельзя.

— Всё можно решить.

Сергей посмотрел.

— Нет.

Фраза прозвучала почти грубо.

— Что нет?

— Не всё можно решить так, чтобы всё осталось как раньше.

Виктор Петрович почувствовал раздражение.

У сотрудников было удивительное свойство.

Они приносили проблему руководителю и считали, что сделали работу.

Но у него сверху был директор.

У директора — собственник.

У собственника — контракт.

Кому-то всё равно нужно было сделать невозможное.

— Хорошо. Что предлагаешь?

Сергей достал лист.

— Три варианта.

Первый — дорого.

Второй — рискованно.

Третий — перенос срока.

Виктор Петрович слушал.

Ни одного хорошего.

— Ты специально?

— Что?

— Почему нельзя принести один нормальный вариант?

— Потому что нормального нет.

Вот это и было неприятно.

Сергей не хотел решать за него.

Оставлял решение там, где оно действительно находилось.

Через час Виктор Петрович сидел у директора.

— Почему перенос?

Можно было сказать:

«Производство не вытягивает».

Это не было бы ложью.

Можно:

«Сергей дал слишком консервативный расчёт».

Тоже не совсем ложь.

Можно было распределить ответственность так, чтобы она выглядела естественно.

— Мы взяли объём выше текущей мощности, — сказал

он.

Директор поднял глаза.

— Кто согласовал?

Пауза.

— Я.

Слово оказалось неприятно тяжёлым.

— И что теперь?

Виктор Петрович показал варианты.

Директор выбрал дорогой.

Потом ещё десять минут объяснял, почему Виктор Петрович должен был предусмотреть это раньше.

Виктор Петрович кивал.

Вышел злой.

Очень.

Вернулся в кабинет.

Сергей сидел у себя за стеклом.

На секунду захотелось позвать.

Спросить, почему он не просчитал лучше.

Почему не настоял.

Почему не объяснил.

Потом Виктор Петрович увидел, что собирается сделать.

И не позвал.

Не из великой мудрости.

Просто сегодня один раз хватило.

Он заказал кофе.

Секретарь спросила:

— Вам как обычно?

— Да.

Через минуту добавил:

— Нет. Без сахара.

Она удивилась.

— Вы всегда с сахаром.

— Сегодня без.

Это никак не относилось к истории.

Именно поэтому было важно.

У Виктора Петровича была жизнь и кроме того, что он символизировал в чужих проблемах.

Глава 5. Фрида Абрамовна

Фриду Абрамовну знала вся регистратура.

Она начинала разговор:

— Девушка, мне только спросить.

После этого разговор обычно длился минут пятнадцать.

Давление.

Сердце.

Голова.

Спина.

Снова сердце.

Илья в первые месяцы работы относился к ней терпеливо.

Потом перестал.

Не демонстративно.

Просто человек из Фриды Абрамовны постепенно превратился в знакомую задачу.

Вот она вошла.

Вот сейчас будет давление.

Вот сейчас скажет:

«Что-то внутри нехорошо».

Вот анализы.

Вот снова всё в пределах обычного.

И за дверью ещё двенадцать человек.

В тот день она пришла без записи.

— Мне плохо.

Илья посмотрел на монитор.

— Температура?

— Нет.

— Давление дома мерили?

— Сто сорок.

— Для вас это не опасная цифра.

— Я знаю. Но у меня сердце...

Он послушал.

Спросил.

Посмотрел прошлые обследования.

Срочности не видел.

— Фрида Абрамовна, мы же договаривались. Если нет острых симптомов, записываетесь.

Она сразу стала меньше.

Не физически.

— Я понимаю.

— У меня сейчас очередь.

— Конечно.

Она встала.

— Простите.

Вот это «простите» раздражало почти сильнее.

Будто теперь он ещё и виноват.

— До свидания.

— До свидания, доктор.

Через два часа медсестра сказала:

— У неё сын умер.

Илья не поднял глаз.

— Я знаю.

— Одна живёт.

— Тоже знаю.

— Я просто сказала.

— И что мне делать?

— Ничего.

Илья посмотрел.

— Вот именно.

Она пожала плечами и ушла.

«Ничего».

Почему-то слово осталось.

В следующий раз Фрида Абрамовна пришла по записи.

Села.

— Что сегодня?

— Сердце как-то.

Всё повторялось.

Давление.

Стетоскоп.

Вопросы.

Ничего острого.

Он уже собирался закончить.

Потом спросил:

— Вам дома страшно, когда начинает что-нибудь болеть?

Она посмотрела на него.

Очень внимательно.

— Конечно.

Будто вопрос был странный.

Конечно страшно.

Илья вдруг понял, чего боится сам.

Если сейчас открыть эту дверь, визиты станут ещё чаще.

У него нет времени быть её сыном.

И не должно быть.

— Давайте так, — сказал он. — Я напишу вам симптомы, при которых не ждёте и вызываете скорую. И отдельно — когда можно спокойно записаться ко мне.

— Хорошо.

— И ещё у нас есть психолог.

Она мгновенно напряглась.

— Я не сумасшедшая.

— Я не сказал.

— Сейчас всех к психологу отправляют.

— Можете не ходить.

Фрида Абрамовна посмотрела.

Не ожидала.

— А зачем тогда говорите?

Илья задумался.

— Потому что после смерти близкого человеку иногда страшнее оставаться одному с любым симптомом.

Она долго молчала.

— Вы бы пошли?

— Не знаю. Возможно.

— Тоже не знаете.

— Много чего.

Она сложила бумагу в сумку.

— Я подумую.

После неё вошёл мужчина с больным коленом.

Потом женщина с анализами.

Потом ребёнок.

Никакой великой встречи не произошло.

Илья не спас Фриду Абрамовну от одиночества.

Не дал ей свой номер.

Не отменил очередь.

Не превратил кабинет в место бесконечной теплоты.

Просто в следующий раз, когда увидел её имя в списке, сначала подумал:

«Опять».

А через секунду:

«Фрида Абрамовна».

Иногда между этими двумя мыслями и помещается весь человек.

Глава 6. Нет хороших

Через неделю Сергей соврал жене.

Совсем не героически.

Он купил дорогую вещь, которую они договорились пока не покупать.

Когда Елена увидела списание, сказал:

— Комиссия.

Почему именно «комиссия», он потом не смог объяснить.

Наверное, первое слово, похожее на банковское.

Через два дня Елена открыла историю операций.

— Какая комиссия?

Сергей понял сразу.

Можно было продолжать.

Сказать, что перепутал.

Что не помнил.

Что это другая операция.

Вместо этого сидел.

— Зачем соврал?

— Не знаю.

— Серёж.

— Хотел купить.

— Это я понимаю.

— Если бы сказал, ты была бы против.

— Возможно.

— Вот.

Она посмотрела.

— Что «вот»?

— Ничего.

— Ты решил, что если я скажу «нет», можно просто сделать и соврать?

Он почувствовал раздражение.

— Я тоже зарабатываю.

— А я сказала, что не зарабатываешь?

— Мы всё время считаем.

— Потому что у нас деньги не бесконечные.

— Я знаю.

— Тогда?

Сергей почувствовал, как внутри начинает строиться нормальная защита.

Он устал.

Он имеет право.

Он взрослый человек.

Он не обязан спрашивать разрешения.

Во всём была правда.

И всё это не отменяло одной маленькой вещи.

— Я соврал, потому что хотел сделать по-своему и не хо-

тел ругаться.

Елена молчала.

— Всё?

— Нет.

— Что ещё?

— Мне до сих пор кажется, что я имел право купить.

— Может, и имел.

— Но?

— Но тогда надо было сказать.

— Да.

Они не пришли к красивому примирению.

Елена ещё два дня была холоднее.

Сергей злился, что она «слишком долго».

Потом понял, что даже извинение иногда хочется использовать как кнопку:

я признал — теперь верни отношения в норму.

Но у другого кнопки нет.

В воскресенье Кирилл спросил:

— Вы чего ругаетесь?

Елена сказала:

— Папа купил фигню.

— Не фигню.

— Очень нужную вещь.

— Какую?

Сергей назвал.

Кирилл посмотрел.

— Реально фигня.

Елена рассмеялась.

Сергей показал обоим средний палец.

Кирилл сказал:

— Очень зрелая коммуникация.

И ушёл.

Сергей посмотрел на Елену.

— Это Андрей его научил?

— Нет. Интернет.

— Хуже.

В тот вечер Сергей впервые подумал, что, возможно, главная опасность всех этих разговоров — начать ждать от себя последовательности.

Раз один раз остановился возле разбитой тарелки, теперь должен останавливаться всегда.

Раз сказал начальнику правду — теперь честный.

Раз увидел механизм — больше не имеешь права делать то же самое.

Но жизнь не подписывала такого договора.

Он мог сегодня быть смелым.

Завтра трусом.

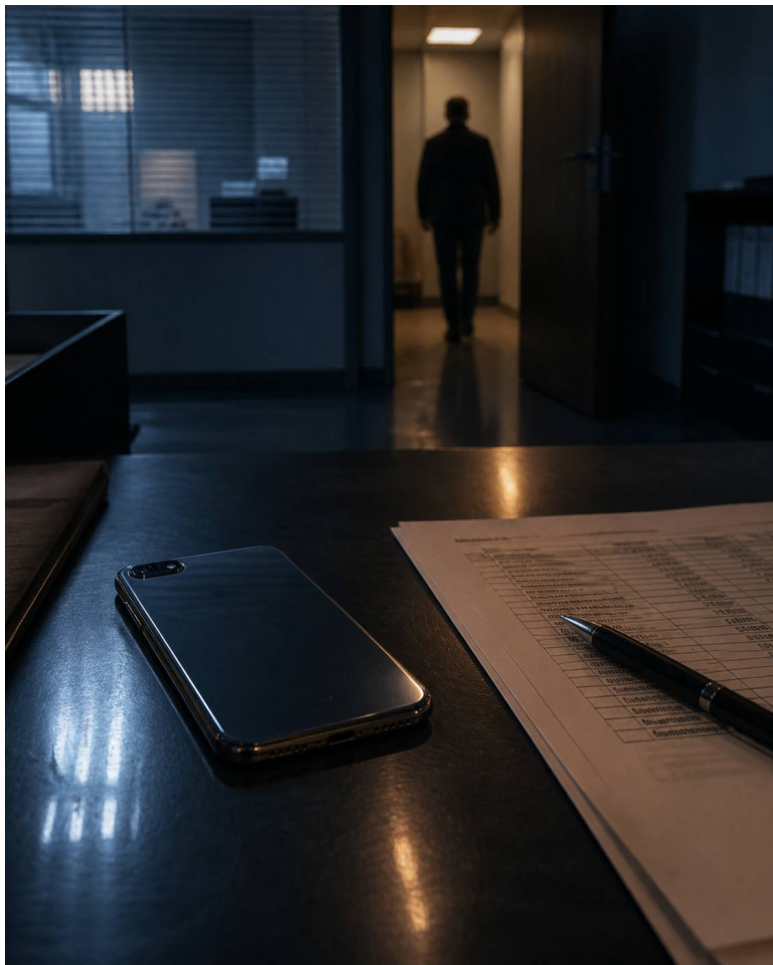
Сегодня увидеть сына.

Завтра использовать жену.

И наоборот.

Это было не очень вдохновляюще.

Зато похоже на правду.

Часть II. Метрики

Глава 7. Лента

Алина проснулась от вибрации.

Телефон лежал под подушкой.

Она не открывала глаза, пока разблокировала экран.

Двадцать семь уведомлений.

Три сообщения.

Два пропущенных.

Комментарий под вчерашним видео.

Ещё один.

И сверху:

«Ваш охват вырос на 18%. Продолжайте в том же духе».

Она улыбнулась.

Потом открыла статистику.

Сорок восемь тысяч просмотров.

Не провал.

Но и не то, что хотелось.

Первая мысль:

сегодня нужно выложить ещё.

Вторая:

что?

Третья:

если сегодня пропустить, завтра просядет сильнее.
Только после этого она поняла, что хочет в туалет.
На кухне мать пила кофе.

— Ты опять с телефоном?

— Мам.

— Я ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.